

Научная статья
УДК 821.35
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-215-226
EDN: NSCFUK

ОБРАЗ ДЕТСТВА В СОЗНАНИИ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО ГЕРОЯ ПОВЕСТИ И. КАПАЕВА «КУРЖЫН» («Куржун, в котором спрятано детство»)

Насипхан Хусиновна Суюнова^{1,2}

¹ Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований им. Х.Х. Хапсирокова, Черкесск, Россия, soyunen@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5242-9261>

² Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия.

Аннотация. В статье рассматривается опыт разработки образа детства в повести Исы Капаева «Куржын» («Куржун, в котором спрятано детство»). Отмечается, что первая повесть писателя имеет целью углубление начатого им в рассказах конца 60-х – начала 70-х гг. XX в. анализа характера, сознания молодого соплеменника-сверстника, героя – alter ego. Поскольку это есть история героя с развитой индивидуальностью и творческим мироощущением, то процесс становления его личности осмыслен И. Капаевым в социально-психологическом ракурсе, в логике его взросления, начиная с «истоков дней».

Образ детства в повести символизирует куржын, содержащий эмоциональные вещи, которые перебирает ностальгирующий герой – приехавший на каникулы студент. Эти предметы, имеющие значение исключительно для их владельца, структурируют его воспоминания, образ детства в его сознании: семья (мать, отец, бабушка), начальный опыт социализации (сверстники), чувственный опыт (дружба, боль, преодоление страха, горечь потерь). Память о детстве выступает в повести в качестве метафоры исторической памяти.

В статье отмечается, что «Куржун, в котором спрятано детство» – это первое произведение И. Капаева в ряду его последующих повестей и романов, в которых осмыслена эволюция сознания их сквозного героя – alter ego по фамилии Карамов. Отмечается также, что такой творческий процесс отражает накопленный в многонациональной и мировой литературе опыт разработки проблемы.

В качестве материала для анализа в статье использованы тексты исследуемой повести на языке оригинала. Для цитирования привлечен переводной текст на русском языке

Ключевые слова: образ детства, вещи-символы, структура воспоминаний, чувственный опыт, историческая память.

Для цитирования: Суюнова Н.Х. Образ детства в сознании автобиографического героя повести И. Капаева «Куржын» («Куржун, в котором спрятано детство») // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 1. – С. 215-226. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-215-226. EDN: NSCFUK.

© Суюнова Н.Х., 2024

Original article

**THE IMAGE OF CHILDHOOD IN THE CONSCIOUSNESS
OF THE AUTOBIOGRAPHICAL HERO OF THE STORY "KURZHYN"
("Kurzhun, where childhood is hidden") BY I. KAPAEV**

Nasipkhan Kh. Suyunova^{1,2}

¹ Karachay-Cherkessian "Badge of Honour" Order Institute for Humanitarian Research named after Kh. Kh. Khapsirokov, Cherkessk, Russia, soyunen@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5242-9261>

² Karachay-Cherkessian State University named after U.D. Aliev, Karachaevsk, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of some issues of the development of Soviet historiography. The article considers the experience of developing the image of childhood in Isa Kapaev's novella "Kurzhyn" ("Kurzhun, where childhood is hidden"). The writer's debut novella strives to enhance the examination of the character and awareness of a young compatriot-peer, hero-alter ego – concepts the author started to develop in his prose pieces of the late 60s – early 70s of the twentieth century. Since this is the story of a hero endowed with a well-developed personality and a creative worldview, the process of formation of his personality is comprehended by I.Kapaev in a socio-psychological perspective, in the logic of his maturation starting from the "origins of days."

The kurzhyn, which contains emotional objects that the nostalgic hero - a student who returned home on vacation - sorts through, symbolizes the novella's childhood image. These objects have significance only for their owner, they structure his memories, call up the image of childhood in his mind: family (mother, father, grandmother), initial experience of socialization (peers), sensual experience (friendship, pain, fear overcoming, bitterness of loss). The memories of childhood appear in the novella as a metaphor for historical memory.

According to the article, "Kurzhun, where childhood is hidden" is I.Kapaev's first work in a series of subsequent stories and novels that explore the evolution of consciousness in their cross-cutting hero, an alter ego named Karamov. It is also stated that such a creative process reflects the experience gained in multinational and global literature during the development of the problem. The article uses the texts of the novella in the original language as material for analysis. The text translated into Russian is used for quoting.

Keywords: image of childhood, symbolic things, structure of memories, sensual experience, historical memory.

For citation: Suyunova N.H. The image of childhood of the consciousness of the autobiographical hero of the story "Kurzhyn" ("Kurzhyn, where the childhood is hidden") by I. Kapaev. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 1. – P. 215-226. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-215-226. EDN: NSCFUK.

© Suyunova N.Kh., 2024

С середины 70-х гг. XX в. в творчестве ногайского писателя Исы Капаева продолжился, теперь уже в жанрах повести и романа, начатый в рассказах о молодом соплеменнике-сверстнике анализ характера и, в целом, внутреннего мира героя, по сути, своего alter ego. Поскольку это был тип героя с развитой индивидуальностью и творческим мироощущением, то и процесс духовного становления его личности не мог быть осмыслен И. Капаевым вне социально-культурного, психологического контекста, вне логики его взросления, начиная с «истоков дней».

Первое произведение в последовательном ряду повестей и романов писателя 70-80-х – «Куржын» («Куржун, в котором спрятано детство»). Сборник молодого тогда писателя с одноименным названием увидел свет на родном языке в 1975 г. в Карачаево-Черкесском книжном издательстве [Капаев 1975]. Кроме «Куржуна» в издание вошла еще повесть «Сынтаслы» и ряд ранних (конца 60-х) рассказов И. Капаева. Примечательно то, что эта первая книга выпускника Литинститута им. Горького увидела свет на его родине в год окончания им вуза, к тому же – на фоне грандиозного для молодого автора успеха – дебюта в журнале «Юность» [Капаев 1974: 66-70], получения премии этого журнала за рассказ «Верность очагу» и последовавших за этим других успешных публикаций И. Капаева в «толстых» журналах всесоюзной литературной периодики [Капаев 1975а; Капаев 1976]. Принимая во внимание строгость критериев отбора произведений для публикации в московских журналах, едва ли приходится сомневаться в новизне и уровне художественного мастерства уже первых произведений И. Капаева. Эти дебюты придали уверенности, вдохновили, настроили молодого автора на поиск своего незаемного места в литературном процессе 70–80-х гг. XX в.

Первая публикация исследуемой повести на русском языке состоялась в переводе Э. Бутина в сборнике И. Капаева «Вокзал» [Капаев 1982], в который также включены его одноименный роман и рассказы.

Результатом его, тогда еще студента ростовского, затем и столичного вуза, отстраненного взгляда на привычные реалии своего национального мира, явились содержательные произведения его малой прозы (философские миниатюры, рассказы), в которых представлена беспрецедентная галерея образов героев-старцев, а также героев-сверстников молодого писателя [Суюнова 1999]. В ранней прозе «Иса Капаев идет уже в глубь перемен, заостря внимание не на внешнем рисунке, а на внутренней сути национального характера в новой действительности. Здесь целью художника становится показать взаимодействие характера и времени во всем его разнообразии, и он успешно достигает ее» [Алиева 1983].

Необходимость включения своего героя-сверстника в духовный поиск в социокультурном контексте, затрагивающий проблемы исторической памяти, взаимоотношения поколений, соотношения традиции и новых реалий в его сознании, ощущалась писателем все более явственно, как и то, что этот процесс должен протекать для героя во взаимосвязи с самопознанием. То есть, начатый еще в ранних рассказах анализ внутреннего мира героя-сверстника (Темир («Выдержал»), Алибек («Айка»), Махмуд и Сафар («Разбитая тарелка»), Курман и Арслан («Кому достанутся цветы»), Каирбек («Память о любви») продолжился в более зрелых образах Вениамина («Рекламное приложение»), Алимбека («Разорванный круг»), Сатия (Говоруны или Неделя больших раздумий). Затем он перерос в системный, последовательный процесс творческого осмысления И. Капаевым становления личности, эволюции сознания автобиографического героя alter ego, своего сверстника-соплеменника. На этом пути писатель создает ряд повестей: «Куржын» (Куржун, в котором спрятано детство), «Бар сондай яслар» (Есть такие парни), «Сынтаслы акында толгав» (Ска-

зание о Сынтаслы), «Салам, Михаил Андреевич!», «Коьк карлар» (Синие снега) и романы «Вокзал», «Суьлдер» (Книга отражений). Диалектичность процесса «самоосуществления» alter ego И. Капаева (сквозного героя по фамилии Карамов отражена в коллизиях этих произведений, в драматизме эволюции самосознания героя, и это наполняет глубоким философским и психологическим смыслом прозу И. Капаева 70–90-х гг. XX в.

Итак, последовательный ряд ключевых произведений прозаика последних десятилетий XX в., в котором представлен процесс духовного становления личности авторского alter ego, начиная «с истоков дней», открывает его повесть «Куржын» (Куржун, в котором спрятано детство).

Надо сказать, что, приступая к реализации своего творческого замысла, И. Капаев, начитанный в родной, отечественной и мировой литературе писатель, не мог не опираться на накопленный в многонациональной и мировой литературе опыт разработки проблемы. Мемуарная литература, ценностной основой которой является образ детства, имеет свою историю в мировой (А. Стендаль, Ж. Руссо, И. Гете), русской классической (Н. Гарин-Михайловский («Детство Темы»), И. Бунин («Жизнь Арсеньева»), Л. Толстой («Детство. Отрочество. Юность»), советской многонациональной (М. Горький («Детство», «В людях», «Мои университеты»), К. Паустовский («Далекие годы»), С. Маршак («В начале жизни») и современной литературе (Б. Окуджава («Упраздненный театр»), П. Санаев («Похороните меня за плинтусом»), Б. Минаев («Детство Левы») и др.

Литература традиционно и последовательно осмысливала взросление своих героев под влиянием множества факторов. Но почти всегда – это литература о великих ростках важных качеств, прорастающих впоследствии соответствующими всходами в характере человека.

Ногайская литература также имеет собственную традицию развития жанра воспоминания о детстве, истории взросления и социализации героя. Тому в немалой степени способствует национальное мифосознание, фольклорная традиция, актуализированные в литературе через архетипические модели инициации героя (обряд посвящения в воины и охотники) [Пропп 1986], а также выделенной К. Юнгом индивидуации (обособления индивидуального бессознательного от коллективного) [Юнг 2007: 66-84]. В ногайском сказочном и героическом эпосе – это мужание батыра с момента его рождения до времени его ратных подвигов («Эдиге», «Ахмед, сын Айсула», «Шора-батыр») [Сикалиев 1994: 85-102]. Собственно литературная традиция формирования мемуарного нарратива о детстве в национальной словесности восходит к началу XX в., времени зарождения и становления ногайской советской литературы. Жанр оказался востребован в связи с актуализацией просвещенческого дискурса, для обеспечения практических нужд педагогики, дидактики. Нужны были тексты о детях и для детей, как оригинальные, так и переводные, являющие собой примеры «правильной» биографии героя и правильного воспитания нового поколения (М. Курманалиев. «Балалар ушин замана йырлар» (Современные стихи для детей), «Стихи для детей» И. Мирзаева, а также короткие дидактические рассказы, пьесы (М. Курманалиев, З. Кайбалиев «Мектеб пайдасы» (Польза школы) [Курмангулова 2019: 666-670]. «За дореволюционным детством в такого рода

произведениях закрепляется сугубо негативный опыт, в то время как именно советское послереволюционное детство было призвано служить в качестве «нового рая» [Балина 2012: 43-66]. Два полярных полюса такого противопоставления олицетворяли «Детство» Л. Толстого («счастливой невозвратной поры») и «Детство» М. Горького («свинцовые мерзости» жизни). Позже в ногайской литературе появилось произведение о детской поре с собственно автобиографической основой «Асантай» Ф. Абдулжалилова (1957 г.). Документальная основа этой повести ногайского классика – его архивная дневниковая проза под названием «Автобиографическая повесть» увидела свет только в 2014 г. (ввиду цензурных ограничений) [Курмангулова 2014: 150-222]. Это произошло десятки лет спустя, после появления произведений других ногайских авторов, в творчестве которых разрабатывался в той или иной форме образ детства: И. Капаев «Куржын» («Куржун, в котором спрятано детство», В. Казаков «Соньы яз» («Звезда Бабай»), С. Капаев «Уьлкер» («Созвездие Плеяды»), Б. Кулунчакова «Улица моего детства»).

Тема «истоков дней» каждым из авторов разрабатывалась по-своему. Но, поскольку в советское время произведения писателей о детстве, как правило, причисляли к разряду детской литературы, ввиду чего им априори предписывалось педагогическое целевое назначение, авторы-создатели таких произведений прежде всего решали воспитательные задачи.

Но несколько по-иному сложилось у И. Капаева: ему удалось избежать влияния этой доминирующей модели. История детства его автобиографического героя оказалась не связана с дидактикой. Целью настоящей статьи и является осмысление того, что в таком случае она представляет собой, каким образом «истоки дней» стали в творческой интерпретации И. Капаева предтечей собственно этапов становления самосознания, духовного взросления («самоосуществления» (К. Юнг) героя, осознания им своего места в наглядном бытии народа. Как структурируется в сознании героя образ детства, что в этой структуре наиболее ценно для него? Биографический, психологический, герменевтический методы избраны как наиболее соответствующие целям и задачам принятого анализа.

Определяющая роль в «Куржуне» отведена образу детства, феномену этой прекрасной и чрезвычайно значимой поры человеческой жизни, который возможно постичь только через чувственный опыт. Безусловно, понятие «детство» специфически трактуется самыми разными областями научного знания: философией, культурологией, психологией, педагогикой. Однако особую интерпретацию оно получает в исследованиях словесного творчества, обнажающих смысловую выразительность, силу эстетического воздействия этого феномена на исследователя и просто читателя. Образ детства, созданный И. Капаевым в «Куржуне», – удачный пример такого выразительного воздействия на читателя, чему в немалой степени способствует и жанр повести – лирическая проза. Мастерство писателя проявляется и в подборе, как бы выхваченных из памяти, но необыкновенно ярких, емких деталей, рисующих детское, чувственное, а не рациональное, знакомство героя с миром.

Представляя образ детства как философскую и эстетическую категорию, писатель соответствующим образом структурирует его, высвечивает важные грани, выделяет его (образа) важнейшие составляющие. А это: герои-персонажи (семья: мать, отец, бабушка, а также сверстники, соседи), яркие эпизоды детских воспоминаний, незабываемых событий: крепкая дружба, первые потрясения: боль, разочарование, потеря; детский опыт осознания границ мира (впервые открывшийся взору героя-ребенка вид родного аула с высоты холма). Элементы образа не есть самоцельно явленный перечень его составляющих, не есть описательное, информативное, объективированное их представление с акцентом на экзотическую суть. Значимость этих граней образа детства подчеркнута отношением к ним автора, переданным через чувственное восприятие мира героем *alter ego*. Существенную роль в характеристике образа играют и смысловнесущие интертекстуальные вставки (сказки о кукле Тайтериш, о маленьком мальчике, поющем на дереве).

Обратимся к сюжету. Автобиографический герой-повествователь – студент столичного вуза, «вырвавшись из большого шумного города»¹, «подгоняемый нетерпением увидеть маленький, тихий городок, двор, где делал первые шаги, ...ощутить дом и атмосферу радостного узнавания всего», что связано с детством, едет на каникулы. Динамика нарастающего в нем желания поскорее оказаться дома ощущается в последовательном и стремительном сужении масштабных кругов родного для него пространства: вот он – город, двор, дом, комната. И чем уже круг – тем острее пронизывает сознание ностальгия. В его комнате теперь живет младшая сестра. Стало быть, уже ничто здесь не принадлежит ему: в шкафу – ее платья, на полке и на столе – ее книги, даже окно, к которому герой «часто прижимался лбом.., у которого мечтал, ...грустил», окно, «столько знавшее» о нем, уже – не его. Однако все же осталось здесь то, что принадлежит только герою – куржун. Этот «мешочек темно-синего бархата, затянутый яркой красной тесемкой, украшенный золотыми нитями орнамента», хранилище его памяти, «друг и свидетель детства», овеянная память о былом.

С момента, когда автобиографический герой оказался в своей детской комнате и уже развязал куржун с его сакральным для него содержимым, с этой точки сужения пространство в сознании героя разворачивается и начинает реверсивное движение в сторону расширения: куржун, далее опять – дом, двор, город, аул, со всеми населяющими его (пространство) людьми, заполняющими предметами, происходящими событиями, переживаниями. Каждая из вещей, лежащих в куржуне: черная деревянная коробочка с «желтой от времени бумажкой, исписанной арабскими буквами» – дуа, «стянутый ниткой кекел», тряпичная кукла Тайтериш, пять круглых бес бала-тас, четыре асык, рыжая плоская кость – челюсть Долая, любимой собаки героя, – начинает излучать воспоминания, картины «самой дорогой и чистой, ясной и светлой части жизни – детства». Никому не может показаться интересным и таинственным хотя бы что-то из этих предметов, все наполнено смыслом и значением исключительно для их владельца.

¹ Здесь и далее цитирование по тексту: Капаев И.С. Куржун, в котором спрятано детство / Капаев И.С. Вокзал. – М.: Советский писатель, 1982. – С. 6-42.

Трепетное, почти культовое отношение к этим эмоциональным вещам, установленное в семье стараниями матери, ее «молитвенное отношение к вещам-символам выглядело чудачеством, странностью, но в той странности было столько чистоты и искренности, что поведение матери приобретало оттенок значительности и большой мудрости...». Спустя годы герой признателен матери за то, что она «сберегла вещественные напоминания давних лет, а вместе с ними – аромат времени, его неповторимое очарование».

Семья – лоно, колыбель младенчества, один из важных элементов образа детства в повести. Важнейшим смысловым центром ее для героя на всю жизнь остался образ матери. Лучшие страницы самой пронзительной повести И. Капаева посвящены ей. Избегая стереотипов, штампов, писатель создал живой образ матери, «трогательной, как ребенок, искренней в своей вере в память вещей», сформировавшей в нем, герое, чувство защищенности, насытившей лаской и безусловной любовью. Впоследствии это конвертировалось в силу, подпитывавшую его характер, поддерживавшую в нем личность. Редкий случай в творчестве писателя, когда он дает портретную характеристику своего героя, также связан с образом матери, сохранившей свою былую красоту: «высокая, стройная, с густыми черными волосами, ...она, по рассказам бабушки (сестры отца), была женщиной с характером, работающей, хозяйственной, почтительной со старшими. ... Тихая, незаметная, она делала все быстро и молча, никогда не жалуясь на жизнь». «Невестой невест» называл ее дед, которому она с первых дней пришлась по душе. В послевоенные голодные годы в полной мере проявилась ее доброта и сердобольность, когда она, мать семьи, живущей, как и все, впроголодь, находила возможность обогреть и подкормить соседских детей, которых у их одинокой матери было восемь. Автобиографический герой с теплотой вспоминает и делится с читателем аульскими историями, в которых отразилась наивность, детская непосредственность матери, но главными все же были истории, связанные с воспитанием матерью его самого.

Отец представлен в повести, напротив, как строгий блюститель порядка, предписанного обычаем. Он недолго иронизировал над тем, как мать, мечтавшая о первенце-дочке, одевала в платья и повязывала мальчику голову платком, пресек это требованием «воспитывать в сыне мужчину». Все положенные обряды: наречения именем, бритья головы, обрезания, ритуал выбора занятия в жизни – были проведены, несмотря на попытки матери уберечь сына от иных из этих испытаний. Более того, в Курман-байрам отец принес барана в жертву на глазах сына, «чтобы рос мужчиной». Все эти обрядовые действия, события не просто интересно рассказаны писателем, они концептированы, донесены до читателя посредством чувственного опыта героя, прожиты и осязаемо пережиты вместе с ним: боль (обрезание), дружба (девочки-соседки), кровь (жертвенный баран), тоска (по матери), страх (ночью – на помощь собаке), потрясение (смерть собаки Долая). Отец внушал герою уверенность, старался не оставлять в его сердце места страху, растерянности. Хотя и боялся герой требовательного голоса отца, но с теплом вспоминает и тоскливые для себя дни, когда «мама уехала покупать брата». Они в это время особенно сдружились с отцом: «Он

утешал, когда я тосковал по матери, любил меня, играл со мной, катал на себе, подбрасывал высоко над головой и спал, крепко обняв меня...».

Особое место в своих воспоминаниях о семье автобиографический герой отводит бабушке, которая «позволяла все», но самым главным было то, как долго и интересно она рассказывала «удивительные истории о шайтанах, драконах и джиннах, ...о поединках богатырей, о смелых джигитах и необыкновенных красавицах». «Это был наш мир, – вспоминает герой, – Мы называли себя именами героев сказок в наших играх, освобождали красавиц, сражались с драконами...». Это были моменты апофеоза детского счастья. Бабушкины сказки были со смыслом, который герой продолжал постигать даже во взрослой жизни. Сказку о капризной деревянной кукле Тайтериш, притчевую историю о мальчике, поющем на дереве, бабушка рассказывала к случаю, а они остались в памяти героя навсегда. Эти сказки развивали воображение героя, воспитывали чувства, эмоции, учили разгадывать смысл притчевых историй, закладывали основы творческого мышления.

Познание мира за пределами его семьи и дома началось для героя с первых опытов его социализации. И образ детства не был бы таким содержательным, если бы не было в нем детей-сверстников – героев и персонажей повести. «Когда я начал ходить, мать стала приводить ко мне соседских детей. Получилось так, что все они были девочки... Они прошли со мной через все мое детство». Поэтому и первая игрушка героя – кукла «из намотанных на палку тряпочек». «Целыми днями мы с девочками сидели на глиняном полу, и почти не умея говорить, хвастались друг перед другом куклами, рассматривали их, поправляли платишки, косынки, ласкали, нянчили...», позже играли в бес бала тас («пять каменных детей»). Камешки эти мать сама собирала для сына на речке, а девочки «клянчили» их постоянно у героя. А первые асык (альчики) достались герою ценой пережитого шока от сцены жертвоприношения. Это только сейчас лежащие в куржуне свидетельства тех светлых дней могут вызвать у него ностальгическую иронию. Кроме девчонок были и мальчишки-сверстники, дразнившие героя «бабником», с которыми он «никогда не дружил, а только осторожно наблюдал за ними, когда те шумной ватагой проходили мимо дома». Был Махмуд, всегда казавшийся герою грозным, сильным, пока он однажды не «уронил» себя перед ним, заплакав от бессилия на дереве, когда был пойман с полными пазухами яблок, и «бабник» натравил на воришку собаку. Так наблюдал герой первые примеры торжества добра над злом.

Главным другом детства героя, его гордостью был Долай, огромная бурая собака, и это еще потому, что она помогала ему самоутвердиться среди сверстников: он мог подходить, играть с собакой, то есть «делать то, что не могли сделать девочки». Это была первая сильная привязанность, настоящая дружба героя с собакой. «Я кормил Долая, дразнил его, прятался, а он разыскивал меня, я делал из него верховую лошадь и катался на нем, отталкиваясь от земли ногами... Долай в любое время готов был играть со мной, бороться, кататься по земле, и я, ласкаясь, прижимался к его мягкой теплой шерсти...». С Долаем был связан первый опыт героя настоять на своем, когда отец вынужден был перестать привязывать собаку, также первый опыт преодоления страха, ко-

гда ночью пришлось выйти во двор, «полный джиннов и шайтанов», чтобы спустить с цепи наказанного отцом Долая. С собакой герой учился любить, заботиться, научился переживать горе.

Среди персонажей мира его детства были и свои «демоны» – коварный сосед Бородатый, который, войдя в доверие к герою, причинил ему однажды страшную боль (обрезание). Однако потрясение, которое мальчик пережил по вине Султанбека, не сравнить было ни с чем: тот застрелил «взбесившегося» Долая. Смерть друга детства была первой трагедией, свершившейся на глазах у героя, первой невыносимой болью потери близкого существа. Уже будучи взрослым, он побывал на месте захоронения своего друга детства и, разрыв землю, забрал с собой рыжую плоскую кость челюсти Долая. Так она оказалась в куржуне.

Незабываемым впечатлением в детской памяти героя остался момент открытия им для себя масштабов мира за пределами аула, ощущения безбрежности его границ. Как-то по весне с девочками собирали они сладкие корешки первых подснежников, да только, оттесняемые мальчишками, которые не боялись даже Долая, стали подниматься по склону. «Я оглянулся. И замер. Далеко раскинулась передо мной моя земля, и я впервые увидел весь свой аул, и поля за ним, и речку... Меня поразило, что наша большая и широкая река казалась отсюда, сверху, извилистой светлой лентой, и аул удивил меня. Я никогда не думал, что он такой маленький. Я видел дома и сады, видел улицы, неширокие и короткие, искал свой дом и, найдя его камышовую крышу, захотел увидеть во дворе мать и захотел, чтобы и она увидела меня здесь, на горе... И еще я увидел горы, которые волнами уходили вдаль, ...словно растворялись в воздухе. А над ними, словно огромное седло, возвышался двуглавый Эльбрус... Что там, за этим небом, я не знал, но подумал, что побывать на небе – это здорово».

Отныне и на протяжении всего творчества И. Капаева архетип природной стихии будет все больше присутствовать в художественной ткани произведений, развиваться в сущностных чертах характеров героев его рассказов и повестей. Постигание многообразия мира, что за порогом дома, за забором двора, по мере взросления, будет все больше привлекать автобиографического героя И. Капаева, обретая символический смысл. Если в «Куржуне» – это неожиданный детский восторг и восхищение открывшейся вдруг панорамой родного мира, то в рассказах и повестях («Степняки», «Пожалейте старую клячу Актуюк», «Сказание о Сынтаслы», в романах) наблюдается более глубокое ее понимание. Часто звучавшее в детстве увлекающегося игрой мальчика тревожное бабушкино «Не уходи далеко от дома!» с годами будет наполняться для самого писателя иным, философским смыслом, приравнявшись к предостережению «Не отрывайся от почвы, от корней». Но точно так же, детское любопытство «Что там, за этим небом?», с годами переросшее в «Что таит в себе большой мир?» – постепенно будет размыкать сознание alter ego в этот простор, чтобы «совместить и уравновесить локальное национальное бытие с необъятностью мира и жизни в целом» [Караева 2019: 310]. Но с тем, чтобы потом, прервав пути судьбы, вернуться по зову бабушки к дому, остаться писателем, укорененным в почву.

Образ куржуна – памяти в рамках одной человеческой жизни, имеет глубинную ретроспективу. Об этом – в финале повести: «Оно не такое маленькое –

детство. Оно как родник, из которого берет начало река. Память об этом роднике помогает нам жить, помогает светло смотреть и в сегодня, и в завтра. Только не надо забывать, что память стирается годами. Мой родник спрятан в этом куржуне. И я каждый раз, развязывая его, открываю для себя что-то новое. Здесь у каждой вещи своя душа, своя жизнь. В этом куржуне – и люди, и события, и сказки моей бабушки; моя первая крепкая дружба. И первая смерть, и еще многое, многое... то, что является моим детством, моей жизнью».

Повесть «Куржын» («Куржун, в котором спрятано детство») явилась поворотной в истории ногайской прозы в силу реализации в ней целого ряда существенных новаций эстетической и художественной значимости. Выдвижение на первый план личности, смещение внимания к ее самооценности и шире – личностному началу в родной литературе с отрицанием определяющей важности ее социальной функциональности стало осуществляться начинающим прозаиком через обращение к «истокам дней» собственного «я», через заявку на героя alter ego. Само по себе это уже предтеча истории духовного становления личности, эволюции сознания героя, освобождения его от коллективного бессознательного, реализация (развитие) тем самым в ногайской прозе архетипа индивидуации («самоосуществления») героя, что позволило повысить уровень общезначимости осмысливаемых в повести явлений.

Так появляется модель, мера для осмысления истории жизни этноса, анализа содержимого национального «куржуна». В рамках бытия и духовного сознания народа – это метафора исторической памяти, прошлого этноса. Это позволяет наглядно увидеть, как у «И. Капаева мотив памяти обнаруживает свою функциональную – как принцип организации образа детства – и смысловую значимость» [Султанов 1985: 238-244].

Формируя неразрывное внутреннее единство творчества писателя, образ детства является источником множества важных тем, лейтмотивных образов, проблем отцов и детей, традиции и современности. Принцип накапливания впечатлений, собранных воедино моментов жизни для воплощения в творчестве продолжит работать для И. Капаева и дальше: позже появится сборник его дневниковой прозы «Мойынтымар» («Мониста») [Капаев 2007].

Таким образом, детство автобиографического героя в представлении автора – звено в цепи поколений, преемственной связи отцов и детей. Этапы жизни, которые пройдет герой alter ego – это не просто прожитые и оставшиеся в воспоминаниях периоды, это истоки и этапы духовной эволюции личности, его сознания, ценность памяти. Поскольку автобиографический герой «Куржуна» – это творческая личность, то, стало быть, детские впечатления создают основу личности писателя, формируют его мировоззрение, жизненную и творческую позицию, что явственно отразится в историях Тенгиза Сынтаслынского и Истэма Карамова – следующих ипостасях alter ego И. Капаева («Сынтаслы акында толгав» (Сказание о Сынтаслы и «Вокзал»)).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Курмангулова 2014 – Курмангулова Ш.А. Ф.А. Абдулжалилов. Жизнь и судьба. Приложение: *Абдулжалилов Ф.А.* Автобиографическая повесть. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2014. – 287 с. – С. 150-222.

- Алиева 1983 – *Алиева С.У.* Характеры и время // Литературная Россия. – 16 дек. – 1983 г.
- Балина 2012 – *Балина М.* Литературная репрезентация детства в советской и постсоветской России // Детские чтения. – № 1. – 2012 (Вып. 1). – С. 46.
- Капаев 1975 – *Капаев И.С.* Куржын. Повестьлер эм хабарлар. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1975. – 192 с. (на ног. яз.).
- Капаев 1974 – *Капаев И.С.* Верность очагу. Рассказ // Юность. – № 1. – М., 1974. – С. 66-70.
- Капаев 1975а – *Капаев И.С.* Бердази. Рассказ // Знамя. – № 11. – Москва, 1979 г. – С. 125-133.
- Капаев 1976 – *Капаев И.С.* Выдержал. Рассказ. Авторизованный перевод Т. Смолянской // Юность. – Москва. – № 8. – 1976. – С. 8-15.
- Капаев 1982 – *Капаев И.С.* Вокзал. Роман и рассказы. – М.: Советский писатель, 1982. – 280 с.
- Капаев 2007 – *Капаев И.С.* Мойынтымар (Мониста). – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 2007. – 293 с. (на ног. яз.).
- Караева 2019 – *Караева З.Б.* Тексты и смыслы в творчестве Исы Капаева // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему (Сборник материалов III -й международной научно-практической конференции 2-6 октября 2019 г.). – Черкесск, КЧИГИ, КЧГУ, 2019. – 444 с.
- Курмангулова 2019 – *Курмангулова Ш.А.* Муса Курманалиев, Зеид Кайбалиев и ногайское просвещение начала XX века / Джанибеков А-Х.Ш. Союз казнасы. Сокровищница слов / Под ред. Н.Х. Суюновой. – М: Наука, 2019. – 709 с.
- Пропп 1986 – *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Издательство Ленинградского государственного университета, 1986. – 369 с.
- Сикалиев 1994 – *Сикалиев А.И.* Эпическая биография героя. Рождение и детство / Сикалиев А.И-М. Ногайский героический эпос. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1994. – 328 с.
- Султанов 1985 – *Султанов К.К.* Чтобы открывалась даль характера (о творчестве И. Капаева) // Дружба народов. – № 11. – М., 1985. – С. 238-244.
- Суюнова 1999 – *Суюнова Н.Х.* И жизнь продлится. Художественный мир Исы Капаева. – Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 1999. – 152 с.
- Юнг 2007 – *Юнг К.-Г.* Индивидуация. Ч. 2. / Юнг К.-Г. Сознание и бессознательное. – М: Академический Проект, 2007. – 188 с.

REFERENCES

- KURMANGULOVA Sh.A. F.A. Abdulzhalilov. Zhizn' i sud'ba. Prilozheniye: *Avtobiograficheskaya povest'* [Autobiographical story]. – Nal'chik: Izd-vo M. i V. Kotlyarovykh, 2014. – 287 s. – P. 150-222. (In Russ.).
- ALIEVA S.U. *Kharaktery i vremya* [Characters and time]. In: *Literaturnaya Rossiya*. – 16 dek. – 1983 g. (In Russ.).
- BALINA M. *Literaturnaya reprezentatsiya detstva v sovetskoj i postsovetskoj Rossii* [Literary representation of childhood in Soviet and post-Soviet Russia]. In: *Detskie chteniya*. № 1. 2012 (Vyp.1). (In Russ.). – S. 46.
- KAPAEV I.S. *Kurzbyn. Povest'ler em khabarlar* [Kurzbyn. Novoller em khabarlar (on his feet. language)]. In: – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1975. – 192 s. (In nog.).
- KAPAEV I.S. *Vernost' ochagu. Rasskaz* [Loyalty to the hearth]. In: *Yunost'*. – № 1. – М., 1974. (In Russ.). – S. 66-70.
- KAPAEV I.S. *Berdazi. Rasskaz* [Berdazi]. In: *Znamya*, Moskva, №11, 1979. – С.125-133. (In Russ.).
- KAPAEV I.S. *Vyderzhal. Rasskaz* [Withstood]. Avtorizovannyi perevod T. Smolyanskoi. In: *Yunost'*. – Moskva. – № 8. – 1976. – С. 8-15. (In Russ.).

КАРАЕВ I.S. *Vokzal. Roman i rasskazy* [Station. Novel and short stories]. – М.: Sovetskii pisatel', 1982. – 280 s. (In Russ.).

КАРАЕВ I.S. *Moiyntymar (Monista)* [Moyyntymar (Monista) (on his feet. language)]. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2007. – 293 s. (na nog. yaz.).

КАРАЕВА Z.B. *Teksty i smysly v tvorchestve Isy Kapaeva* [Texts and meanings in the work of Isa Kapaev]. In: Nogaitsey: XXI vek. Istoriya. Yazyk. Kul'tura. Ot istokov – k gryadushchemu (Sbornik materialov III -i mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 2-6 oktyabrya 2019 g.). – Cherkessk, KChIGI, KChGU, 2019. – 444 s. (In Russ.).

KURMANGULOVA Sh.A. *Musa Kurmanaliev, Zeid Kaibaliev i nogaiskoe prosveshchenie nachala XX veka* [Musa Kurmanaliev, Zeid Kaybaliev and Nogai enlightenment of the early twentieth century]. / Dzhanibekov A-Kh.Sh. So'z kaznasy. Sokrovishchnitsa slov / Pod red. N.Kh. Suyunovoi. – М: Nauka, 2019. – 709 s. (In Russ.).

PROPP V.Ya. *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [The Historical Roots of a Fairy Tale]. – L.: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, 1986. – 369 s. (In Russ.).

SIKALIEV A.I. *Epicheskaya biografiya geroya. Rozhdenie i detstvo* [Epic biography of the hero. Birth and childhood]. / Sikaliev A.I.-M. Nogaiskii geroicheskiy epos: Karachaevo-Cherkesskoe knizhnoe izdatel'stvo. – Cherkessk: 1994. – 328 s. (In Russ.).

SULTANOV K.K. *Chtoby otkryvalas' dal' kharaktera (o tvorchestve I. Kapaeva)* [To open the distance of character (about the work of I. Kapaev)]. In: Druzhba narodov. – № 11. – М., 1985. – S. 238-244. (In Russ.).

SUYUNOVA N.Kh. *I zhizn' prodlitsya. Khudozhestvennyi mir Isy Kapaeva* [And life will last. The artistic world of Isa Kapaev]. – Stavropol': Stavropol'servisshkola, 1999. – 152 s. (In Russ.).

YUNG K.-G. *Individuatsiya* [Individuation]. Ch. 2. / Yung K.-G. Soznanie i bessoznatel'noe. – М: Akademicheskii Proekt, 2007. – 188 s. (In Russ.).

Информация об авторе

Н.Х. Суюнова – доктор филологических наук, доцент.

Information about the author

N.Kh. Suyunova – Doctor of Science (Philology), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 20.01.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2024 г.; принята к публикации 27.03.2024 г.

The article was submitted 20.01.2024; approved after reviewing 15.03.2024; accepted for publication 27.03.2024.